

ОЖИЗНИ

ПУРПУРНАГО СОЛНЦА СВЯТЫЕ ОГНИ
НАШЪ ПУТЬ ОСВѢЩАЮТЪ....

№ 1.

Огни жизни.

Мы долго томились въ пещерахъ безсвѣтныхъ,
Давила насъ черная мгла.
Въ рыданьи безсильномъ молитвъ безотвѣтныхъ,
Въ тоскѣ наша юность прошла.
Небесъ голубыхъ огневое свѣтило
Не грѣло насъ лаской своей.
Все яркое, свѣтлое мракомъ гасила
Кромѣшная тайна ночей...
Мы долго томились, мы долго, страдали —
И ненависть наша росла!
Теперь мы проснулись! Теперь мы возстали —
Исчезла проклятая мгла.
Горять и мерцають улыбкой привѣта
Разбуженной жизни огни!
Теперь берегитесь, гасители свѣта!
Настали возмездія дни...

Сергѣй Безпросвѣтный.

... Большая опасность и она не исчезнетъ пока на дѣла
управленія и на судьбы страны будутъ оказывать вліяніе
люди по воспитанію вахмистры и городовые, а по убѣжде-
нію погромщики!

Классическая фраза князя Урусова изъ рѣчи произнесенной 8 Юня
въ Государственной Думѣ.

ПОБѢДИТЕЛЮ!

Князь С. Д. УРУСОВЪ.

Въ рабочемъ кварталѣ.

(Октябрьскіе дни).

— „Отвѣчай! Не молчи! Ты мнѣ мужъ—не чужой
Чѣмъ ребенка я буду кормить!
До весны не протянетъ нашъ мальчикъ больной,
Не дожить... Не дожить...
Или лгалъ ты въ тѣ дни, или лгалъ ты женѣ,
Что заря золотая близка!
Иль ты бредилъ въ жару, иль ты грезилъ во снѣ!
Гдѣ же счастье? Тоска...
Я вѣнчалъное платье за грошъ продала,
Чтобы хлѣба немного достать.
Истомилась я вся... Иль ты ждешь, чтобъ пошла
Я собой торговать!
Отвѣчай! Не молчи! Ты мнѣ мужъ! Не чужой!
Чѣмъ ребенка я буду кормить!
До весны не протянетъ нашъ мальчикъ больной,
Не дожить... Не дожить...

* * *

— „Я ребенка кормить стану злобой моей,
Жаркой злобой его обожгу.
Пусть растетъ онъ угрюмый подъ гнетомъ цѣпей
На погибель врагу.
Пусть онъ, ненависть въ сердцѣ храня къ палачамъ,
Чашу горя осушитъ до дна.
Пусть голодный скитається онъ по ночамъ,
Безъ пріюта, безъ сна.
Пусть безумную прихоть роскошныхъ дворцовъ
Онъ проклятемъ своимъ заклеитъ.
Пусть онъ будетъ наслѣдьемъ погибшихъ отцовъ
И за нихъ отомститъ!
Я ребенка кормить стану злобой моей,
Жаркой злобой его обожгу.
Пусть растетъ онъ угрюмый подъ гнетомъ цѣпей
На погибель врагу!

С. Р.

Въ наши дни.

Ночь молчала. Мрачная черная ночь. Ночь страшная
тѣмъ, что подъ ея покровомъ безнаказанно строились
преступленія.

Стояло одно торжественное молчаніе. Едва нарушали
его пролеты совъ и вампировъ, этихъ грозныхъ властителей
ночи. Не было братства, лишь полное одиночество, и
все живое было заполнено самопожертвованіемъ одной
идеи—не быть пробужденными.

Всѣ страданія міра были восприняты настигнутыми
этою ночью.

* * *

Внезапно сверкнулъ лучъ. Онъ бросилъ въ живую
массу, погруженную въ ночной мракъ, яркій свѣтъ. Сонные
люди широко раскрывали глаза и потянулись къ животво-
рящему свѣту. Заготовали совы, запищали вампиры, много
заклевали и пожрали людей. Захлопали совы и вампиры
крыльями, да недоросли послѣднія, чтобы заслонить дорогу
благодатному свѣту.

Свѣтъ пришелъ, свѣтъ безконечный, проникающій во
всѣ тайники, всеоживляющій, всевоскрешающій...

* * *

И стали рождаться въ душахъ, озаренныхъ свѣтомъ,
дивнопрекрасные образы свободы, правды и братской любви.
Раскрылись новыя чарующія грезы...

Ночь медленно, при кровавомъ заревѣ восходящаго
пурпурнаго солнца, начала уступать подымающемуся утру
торжества.

О, пламя солнца, сожги скорѣ эту ненавистную ночь!

М. С. Н.

Какъ погибъ Лѣшій.

(Сказочная выль).

Гой-гоу-у-у! Аоу-у-у-гой-го-а-а-а... Несутся по дремучему
лѣсу и будятъ его отъ зимняго сна тысячи зычныхъ голо-
совъ, приводя въ трепетъ старыя и молодыя деревья.

Между всѣми деревьями, изъ всѣхъ кустовъ показались,
высунулись морды, гадкія, ослизлыя, уродливыя морды, го-
ловы длинноухія, вислоухія, карноухія, съ обыкновенными
чудовищными рогами; сверкнуло острыми, пронзительными
огнями ужасающее множество налитыхъ кровью глазъ.
Раздался рѣзкій стукъ твердыхъ копытъ, глухой топотъ
грузныхъ ступней, прерывистый хрустъ, взбитаго изъ-подъ
снѣга наружу, валежника, и тысячеголовое дикое стадо,
съ фырканьемъ, сапѣньемъ, съ визгомъ, воемъ, съ ревомъ
и рычаньемъ, стремительно ринулось впередъ.

Но вдругъ оглушительно-звонко-хлястнуло въ воздухѣ
бичъ, и надъ тысячеголовымъ, дикимъ стадомъ, вздрогнув-
шимъ и отступившимъ назадъ, на прибитую его копытами
и ступнями поляну, вверху, на двухъ высокихъ, старыхъ и
подгнившихъ дубахъ, ухватившись за двѣ крылоподобныя
вѣтви, появился, надо полагать, Лѣшій, обликомъ, однако-жъ,
не похожій на исконнаго Лѣшаго, изображаемаго народной
сказкою. Онъ былъ невзраченъ, съ маленькою головою
обезьяны, съ глазами, ничего не выражающими—при всемъ
его желаніи глядѣть строго и внушительно, съ пошловато-
страннымъ лицомъ, раздвоеннымъ: правая сторона—веселая,
а лѣвая—плаксивая.

Засунувъ бичъ за берестовый поясъ, моргослѣпый
Лѣшій, нѣсколько минутъ, молча дергалъ свою жиденюку
темнозеленую бородавку, что-то усиленно обдумывая, но

при этомъ старался держать себя важно, и жалкій, при
надменности, видъ его возбуждалъ только неудержимый
смѣхъ. Онъ взялъ въ одну руку еловую шишку, въ другую—
же дубину, и вновь понеслось по лѣсу: гой-гоу-у-у! Аоу-у-
у-гой-го-а-а-а!

Лѣшій взмахнулъ дубиною, звѣри мгновенно смолкли.
Онъ обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

— Внимай, внимай, звѣрье, мнѣ подвластное! Не ди-
витесь, скоты безсловесные, что заговорилъ я вдругъ почело-
вѣчески. Такъ и вы заговорите сегодня. Сіе исходитъ не
отъ меня, но отъ Воли, непоборимой мною. Жили мы
премного вѣковъ посвоему, какъ подобаетъ звѣрямъ, какъ
надлежитъ скотамъ, и въ человѣческой разумной рѣчи ни-
когда не нуждались. Я требовательно аукалъ—вы со всѣхъ
ногъ летѣли; я повелительно гукалъ—вы падали на брюхо
и ползали окарачь; я махалъ дубинкою—вы подобострастно
мычали, и была тишь да гладь, и стадо ревѣло Лѣшему:
исполать! Буйствовало только бодливые козлы, но я, по-
сбивъ дубиною имъ рога, засадилъ ихъ въ пещеры бли-
жайшей горы, и—чаю—многіе изъ нихъ подошли. Неблазно
пещись о поддержаніи исконнаго страха въ безсловесномъ
стадѣ научилъ меня, при помощи, завѣщанной мнѣ дубины,
мой отецъ, лупоглазый Лѣшій, запоемъ пившій воду изъ
тинистаго лѣснаго болота и въ одночасье издохшій отъ
великаго пристрастія къ этой водѣ—тамъ, на той лужайкѣ,
гдѣ порхаютъ весною и лѣтомъ голубокрылыя стрекозы и
бабочки съ разноцвѣтными крыльями.

Лѣшій откашлялся и продолжалъ:

— Итакъ, мы, невѣдомо—надолго-ли—владѣемъ чело-
вѣческимъ языкомъ. Думаю, высшая Сила восхотѣла по-
шутить, позабавиться, отъ нечего дѣлать, и мною, и вами,
къ удовольствію разумныхъ созданий, т. е. людей. Затѣмъ?

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

I

Отчего Ренненкампфъ такъ беспокоится на счетъ реванша?

— Чуетъ волкъ, что близка пора правды и законности, и тогда ему будетъ данъ реваншъ за „знаменитыя“ дѣйствія въ Сибири.

II

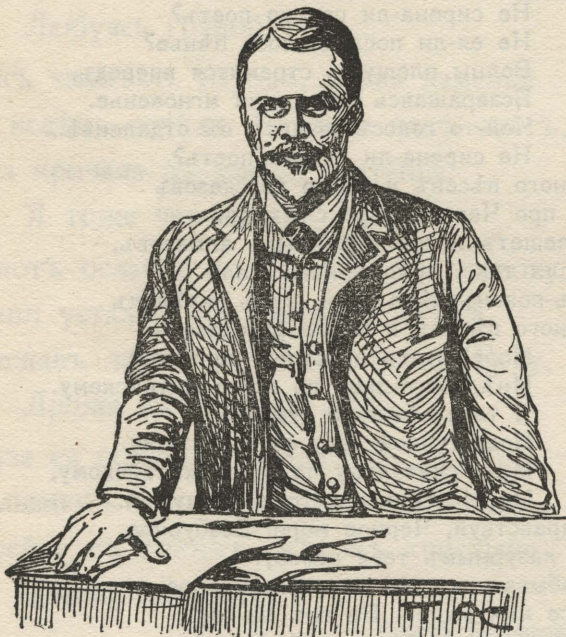
Изъ всѣхъ военныхъ типографій не печатаютъ черносотенныхъ воззваній только типографія Главнаго Штаба?

— Да ей печатаніе однихъ военныхъ приказовъ и циркуляровъ даетъ болѣе 100000 руб. чистаго барыша.

Куда идутъ эти деньги?

— То тайна Главнаго Штаба, не открытая до сихъ поръ Государственному Контролю.

Нира.

Родичевъ.

— „Мною движетъ радость битвы!...“

Признание Аладына.

Не затѣмъ-ли, чтобы человѣкъ зналъ—душа въ насъ или паръ, а главное — имѣется-ли хоть малость умишка въ моей лѣшачьей, полувѣрской, полускотской головѣ и въ вашихъ звѣрскихъ и скотскихъ головахъ. Однако-же и человѣку извѣстно, какъ не глупъ, напимѣрь медвѣдь, сообразителенъ сѣрый волкъ, хитра, увѣртлива лисица, лукавъ косоглазый зайчишка-попрыгунъ... Вѣрно-ли говорю? Отзовись, звѣрье, мнѣ подвластное!

— Гой-гоу-у-у! Аоу-у-у-гой-го-а-а-а! откликнулись звѣри и скоты.

— Да отвѣчайте мнѣ, пожалуйста, не позвѣриному, не поскотски, а почеловѣчески... Вѣрно-ли? просилъ и допрашивалъ, нахмурившись, но безъ сердитости, даже съ замѣтной озабоченностью, Лѣшій.

— Вѣрно! вѣрно! отвѣчали они уже, какъ люди, хотя девять десятыхъ всего стада глядѣло тупо и неосмысленно.

Волъ, случайно очутившійся, вмѣстѣ съ другими домашними животными, зимою въ лѣсу, разсѣяннo жевавшій свой хвостъ, сталъ почему-то жевать уши паршивой овцы, которая тщетно старалась ихъ высвободить и взглядомъ умоляла круторогаго барана помочь ей въ бѣдѣ, ибо весьма боялась остаться безъ ушей. Баранъ пырнулъ его въ бокъ; волъ заревѣлъ, отбѣжалъ и наступилъ ногою на поросѣнка, хрюкавшаго, о томъ, что онъ попрежнему ни въ сонѣ, ни въ чѣхѣ не вѣрить, а потому хочетъ перевизжать всѣхъ поросятъ, утвердившихся, подобно ему, въ этомъ очень модномъ невѣріи. Свинья, восхвалявшая теплый навозъ, роптала на зимніе морозы и чавкала, истребляя какую-то мерзость. Стоявшій съ нею рядомъ козель обозвалъ еѣ пошлой буржуйкою и съ вопросомъ: „неправда-ли?“ обратился къ юному жеребенку, который отвѣтилъ ему сочувственнымъ ржаніемъ. Услышавъ это, медвѣдь покосился

на нихъ и такъ дыхнулъ на обоихъ, что и тотъ, и другой шарахнулся въ-сторону, испугавъ дюжины двѣ сусликовъ, призывавшихъ къ порядку, основанному на правѣ сосать материнское молоко до десятой смѣны копытъ. Волкъ держалъ рѣчь къ овцамъ, рѣчь о лицемѣрномъ смиреніи, о беззавѣтной любви къ Лѣшему, находя эту любовь священной овечьей и бараньей обязанностью. Поправивъ очки и отвѣсивъ бритую губу, онъ посмотрѣлъ вызывающе, но ласково на бурую, сильно посѣдѣвшую, лису, которая плутовски улыбалась зайцамъ, взвѣсивая на одной лапкѣ ихъ помѣть, а другою терзая краденую мужицкую курицу, причемъ хвасталась всѣмъ никому ненужнымъ своимъ путешествіемъ за Стальное-Озеро и ежеминутно повертывала острую мордочку къ Лѣшему, молча сидѣвшему, рядомъ уже съ сухопарой Лѣшачихою, которая непріязненно по-смаковывала и желчно ворчала на своего супруга.

Онъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Ты косишься и ворчишь на меня; ты не даешь мнѣ обдумать—какъ я долженъ поступить съ нашимъ старымъ Бобромъ, купавшимся много лѣтъ въ лѣсныхъ озерахъ. Вѣдь онъ сожралъ въ нихъ всю рыбу; мало того: онъ промоталъ всѣ лѣсныя озера въ угоду молодой Куницѣ, плясавшей передъ нимъ такъ ловко, какъ не пляшетъ въ далекихъ странахъ и кенгуру.

— Не поминай про далекія страны! зашипѣла старая Лѣшачиха, высунувъ изъ вѣтвей сосѣдняго дерева нѣкогда смазливую мордочку, а теперь сморщенную, хотя и напудренную красноватою пылью древесной гнилушки.

— Простите, маменька! больше не буду! пролепеталъ Лѣшій и приложился почтительно губами къ лапѣ старой Лѣшачихи.

Къ Черному морю.

Здравствуй, Черное море! Безбурное,
Можно-ль чернымъ тебя называть,
Въ ясный день, золотисто-лазурное?
Какъ сверкаетъ вдали твоя гладь!
Словно хочетъ она запылать...
Здравствуй, Черное море, безбурное!
Въ отраженіи своемъ небеса
Ты хранишь съ первыхъ дней мірозданія
И вѣнчаетъ твоя-же краса
Съ небесами твое сочетаніе...
Ты хранишь съ первыхъ дней мірозданія
Въ отраженіи своемъ небеса.
Солнце дѣлитъ сіянье съ тобою;
Изъ лучей его—риза твоя.
Озабоченный вѣчной борьбою
Съ тьмой, гнетущей всѣ въ мірѣ края,
Стражъ дневной твоего бытія,—
Солнце дѣлитъ сіянье съ тобою.
Ты въ объятяхъ ночной тишины
Прежнихъ бурь забываешь порывы...
Любишь нѣжную кротость луны,
Любишь звѣздныхъ лучей переливы...
Прежнихъ бурь забываешь порывы
Ты въ объятяхъ ночной тишины.
Берега ты печалишь измѣною,
Жертва дикихъ своихъ же затѣй,
Обдаешь ихъ кипящею пѣною
Или брызгами буйныхъ зыбей.
Ненадежное въ дружбѣ своей,
Берега ты печалишь измѣною.
Необъятное, мощное ты
Въ своенравьи двоякомъ прекрасно:
То игриво, какъ трель съ высоты,
То, какъ стонъ преисподней, ужасно.
Въ своенравьи двоякомъ прекрасно,
Необъятное, мощное ты!
Ты играешь тѣнями прибрежными,
Ихъ въ мелькающихъ струйкахъ дробя,
И смѣешься надъ чайками нѣжными,

Что не могутъ растрогать тебя
Крикомъ жалобнымъ... Ихъ не любя,
Ты играешь тѣнями прибрежными.
Паруса будто чайки вдали,
Пароходы—какъ тучи бѣгущія...
Въ тихой бухтѣ стоятъ корабли,
Дремлютъ, къ сонному берегу льнушіе,
И бѣлѣются, взоръ мой гнетущіе,
Паруса, будто чайки вдали.
Въ пѣнѣ волнъ бѣловато-зеленыхъ
Предо мною ужель не обманъ
Свѣтовой? Въ переливахъ и тонахъ—
Шелкъ волосъ, плечи, грудь, гибкій станъ...
Женскій образъ мелькнулъ сквозь туманъ
Въ пѣнѣ волнъ бѣловато-зеленыхъ.
Не сирена-ли сладко поетъ?
Не ея-ли слышалось пѣнье?
Волны плещутъ, стремятся впередъ,
Возвращаясь назадъ на мгновенье.
Чей-то голосъ звучитъ въ отдаленіи...
Не сирена-ли сладко поетъ?
Много пѣсенъ и много рассказовъ
Я про Черное море слышалъ...
Блещетъ искрами дивныхъ алмазовъ,
Если тихо, привѣтливый валъ.
Съ-поконъ вѣка твой шумъ навѣвалъ
Много пѣсенъ и много рассказовъ.
Море! этотъ просторъ не чужой
Мнѣ, скитальцу по морю житейскому.
Я тебя обнимаю душой,
Недоступной суду фарисейскому.
Мнѣ, скитальцу по морю житейскому,
Море! этотъ просторъ не чужой.
Здравствуй, Черное море! Безбурное,
Я лазурнымъ тебя назову.
Забываю все въ жизни мишурное,
Все ничтожное. Въ снѣ на-яву
Отдаюсь твоему волшебству...
Здравствуй, Черное море, безбурное!

6 августа 1905 г.
Севастополь — Ялта.

Николай Пановъ.

— Ну-то-то! продолжала она: я изъ чужихъ странъ люблю только близкія, куда намѣреваюсь удрать, ежели — оборони дьяволъ — твой лѣсъ повырубятъ или тебя изъ него выгонятъ. Есть страны, въ коихъ лѣса, и безъ лѣшихъ, обходятся. Не о нихъ ли блеять твои рѣзвоніе козлы? Смотри почаще пѣнизу, заставляй волковъ рыскать, разузнавать: нѣтъ-ли какихъ неожиданныхъ каверзъ отъ проклятыхъ козловъ, сулящихъ и мнѣ, и тебѣ погибель. Главное: слушайся плюгаваго, вислогубаго, въ очкахъ Волка и не довѣрайся чернобурой, съ сильной просѣдью, Лисицѣ, ежели она потомъ не перевернется на твою сторону. Напрасно ты сдѣлалъ уступку козламъ, обѣщавъ имъ полную свободу.

— Я сдѣлалъ её только на словахъ! сказалъ Лѣшій и захихикалъ.

— Кабы не потребовали дѣла! вздохнула старая Лѣшачиха, а онъ вновь захихикавъ, показалъ ей дубинку и молвилъ:

— У меня дѣло-то вѣ... вѣ какое!

Старой Лѣшачихѣ слова эти, повидимому, очень понравились, и она за нихъ погладила его лапою по головѣ, но въ тотъ-же мигъ молодая Лѣшачиха, ненавидѣвшая старую, толкнула почему-то Лѣшаго, вѣроятно, хотѣла и на него излить свою злобу.

— Ты за что меня обижаешь? заплакалъ моргослѣпый Лѣшій, едва не упавъ съ высоты отъ сильнаго толчка.

— За твою дурость! набросилась на него сухопарая Лѣшачиха. Созвальный всѣ звѣрье лѣсное, а самъ молчитъ, какъ дерево. Говори имъ что-нибудь, хоть разъ въ жизни почеловѣчески, или гони вонъ!

— Ты права!—согласился покладистый супругъ: надо-же мнѣ, дѣйствительно, что-нибудь говорить съ ними, коли пришлось хоть однажды въ теченіе всей жизни, оказаться небезсловеснымъ.

Лѣшій, для возбужденія дѣятельности мозга, ударилъ себя кулакомъ по лбу и—попрежнему придавъ своей рожицѣ веселое и плаксивое выраженіе—обратился вновь къ звѣрямъ, къ скотамъ, которые умиленно распустили уши:

— Звѣри и скоты! Знаете-ли, зачѣмъ я васъ къ себѣ созвалъ?

— Гой-гоу-у-у! Аоу-у-у-гой-го-а-а-а! слышалось въ отвѣтъ ему отовсюду.

— Повторяю вамъ, говорите по-человѣчески!—воскликнулъ онъ не безъ гнѣва.

— Самъ-же виноватъ, — замѣтила сухопарая Лѣшачиха,—ты молчалъ такъ долго, что они, едва усвоивъ человѣческую рѣчь, разучились владѣть ею хотя-бы въ слабой степени.

— Согласенъ съ тобою, милая моя лѣшаченушка!—приласкался къ ней Лѣшій, она-же, улыбаясь, нѣжно щелкнула его по носу, вызвавъ нѣжнымъ щелчкомъ, однако-же, троекратное „чихъ-чихъ-чихъ!“ и слезы изъ глазъ. Но онъ улыбнулся тоже, улыбнулся, чтобы скрыть боль, причемъ подмигнувъ на свою Лѣшачиху, недоумѣнно взиравшему на обоихъ, стаду: дескать, какъ любить-то! и ласково его допросилъ:

— Зачѣмъ я созвалъ васъ къ себѣ, звѣри и скоты, мнѣ подвластные?

ПОГРОМЪ.

Съ тоской въ очахъ еврейка молодая
Бѣжала отъ враговъ, отъ—христіанъ!
Изъ бѣлой груди кровь лилась густая,
Лилась кровь изъ ранъ.

Въ догонку ей погромщики бросали
Каменьевъ рой. Въ ухахъ ея звенѣлъ
Проклятья крикъ... Убійцы ликовали
Любуясь грудой тѣлъ...

Какъ хохоталъ народъ, когда камня
Ей вслѣдъ летѣли. Блѣдная какъ снѣгъ,
Она кричала въ ужасѣ смятенія:
Я тоже человѣкъ!

И вотъ ослабли силы... Скрывъ тревогу
Души усталой, къ каменной стѣнѣ
Прижавъ лицо—она взываетъ къ Богу,
Дрожа въ святомъ огнѣ.

Глаза ея померкли... Какъ въ туманѣ
Мелькаютъ люди. Кто-то подбѣжалъ...
Еврейку съ дикимъ смѣхомъ христіане
Убили наповаль!

Сергій Безпросвѣтный.

Молчаніе.

Бѣжимъ скорѣй. Пора... Еще мгновеніе —
И будетъ поздно. Медлитъ преступленіе!
Оставь унылый домъ, гдѣ столько лѣтъ
Дышала ты могильнымъ смрадомъ тлѣнья...

Бѣжимъ! Бѣжимъ!

....Молчаніе въ отвѣтъ.

Очнись! Вставай! Тюремщики не слышатъ,
Они лежатъ въ крови, хрипятъ, не дышатъ.
Взгляни: горитъ зари пурпурный свѣтъ!
Каскадомъ яркихъ молній солнце пышетъ!

Проснись! Проснись!

....Молчаніе въ отвѣтъ.

Открой глаза! Отвѣтъ улыбкой нѣжной
На мой призывъ горячій и мятежный!
Ты все молчишь? Иль въ сердцѣ жизни нѣтъ?
Ты умерла въ день радости безбрежной,
Ты умерла?

....Молчаніе въ отвѣтъ.

Сергій Черкасовъ.

ф и г у р ы.

Русская действительность что ни день высылаёт новые восковые фигуры „Российских знаменитостей“ въ всемірно извѣстный музей паноптикумъ Барнума. Всѣ фигуры снабжены разными хитрыми механизмами и грамофонами, воспроизводящими какъ характерныя движенія такъ и любимыя выраженія представляемыхъ ими лицъ.

Обязательный янки прислалъ въ „Огни Жизни“ слѣдующій списокъ своихъ новинокъ за июль. Онъ общается продолжать свои присылки еженедѣльно.

№ 1. Неизвѣстный генералъ-лейтенантъ съ лампасами на штанахъ, въ красной кумачевой рубашкѣ палача Фролова и въ шутовскомъ треухѣ съ бубенцами; желалъ вздернуть Аладина на люстру въ Таврическомъ дворцѣ.

№№ 2 и 3. Пара Кронштадтскихъ героевъ комендантъ Бѣляевъ и отецъ Иванъ; послѣдній въ митрѣ шитой К. П. Побѣдоносцевымъ. Бѣляевъ, въ позѣ ратоборца, повергаетъ однимъ кулакомъ мѣстную печать, другимъ вице-адмирала Никонова. У обоихъ героевъ трясутся колѣнки, ибо въ послѣдніе дни ихъ честію просить оставить Кронштадтъ.

№ 4. Павловъ, вампиръ, отвратительно причмокивал, сосетъ кровь Панаю. Около раздаются крики: „Каинъ, убійца, палачъ, долой, вѣшатель, палачъ Шмидта, долой, вонъ, долой!“

№№ 5 и 6. Лодзинскіе шпионы Фуисъ и Сумовскій, испанскіе инквизиторы, впрочемъ тѣ блѣднѣютъ сравнительно съ этими лодзинскими палачами. Американцы съ ужасомъ слушаютъ слѣдующую грамофонную записку: „На военномъ судѣ было удостовѣрено, что деликвенты этихъ палачей въ теченіе нѣсколькихъ дней подвергались нестерпимымъ мученіямъ, пока измученныя жертвы не согласились на все и не подписали протокола. Вытнутыхъ на столѣ, ихъ били палками такъ, что мясо отваливалось клочьями, на нихъ прыгали съ высоты, вырывали волосы, выбивали зубы. Имъ выкручивали голову въ шею.“

№ 7. Генералъ Жилинскій, Кѣлецкій военный губернаторъ, сатиры и душегубъ, въ присутствіи котораго произошла внезапная смерть дѣвицы Окуневой.

№ 8. Генералъ Богдановичъ, поверхъ эполетъ накинута моаровая ряса, цѣнными руками держитъ шкатулку съ отложенными 3.000.000 руб. изъ субсидій на каедрю Исаакіевского собора и другія патріотическія изданія. Изъ любви къ отечеству принимаетъ постъ начальника русской политической полиціи загранично.

№ 9. Барачъ, полукрокодилъ, опытный погромщикъ. Однако застылъ, когда встрѣтился съ новымъ обвинителемъ присяжнымъ повѣреннымъ Вл. Беренштамомъ.

Перевелъ съ англійскаго Кира.

Морекая загадка.

Три калоши, два лаптя, да пара рваныхъ чевякъ, за моремъ цѣна имъ грошъ, а у насъ крейсера?..

— Не вѣдаемъ! не знаемъ! не можемъ знать! ревѣло стадо; причемъ у нѣкоторыхъ звѣрей слезились глаза, у многихъ скотовъ текли съ губъ слюни явнаго умиленія.

— И я не знаю! — молвилъ Лѣшій, задумчиво взирая на нихъ.

Бурая, съ сильной просѣдою, Лисица подбѣжала и говоритъ:

— Ты, Лѣшій, не вѣдаешь, а я вѣдаю...

— Подожди, подожди! не очень-то высказывай! — перебилъ ее старый, сильно полинявшій Волкъ въ очкахъ, опираясь на осиновый колъ, приготовленный самимъ волкомъ вмѣсто памятника — на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ издохнетъ, или тамъ, гдѣ онъ будетъ зарытъ. — Подожди! крикнулъ онъ на Лисицу и даже ногою притопнулъ. Собралъ ихъ Лѣшій, чтобы объявить вѣчно-новый, хотя и древній, приказъ о всегдѣшнемъ повиновеніи ему подѣ страхомъ неминуемой и скорѣйшей смерти, каковая исходитъ непосредственно отъ смиренно-карающихъ зубовъ нашихъ.

— Нѣтъ! — возразила противница стараго Волка: онъ созвалъ ихъ для рѣшенія важнѣйшаго вопроса объ уступкѣ, нѣкогда сдѣланной рѣзвоногимъ, буйнымъ козламъ.

— Никакихъ уступокъ! — завылъ озлобленно Волкъ.

— Ты заблуждаешься! — оспаривала Лисица.

Противники стали перекоряться. Въ ихъ спорѣ вмѣшался сперва Медвѣдь, предложившій всѣхъ козловъ немедленно вымѣнять на безотвѣтныхъ, вислоухихъ ослей. Услышавъ пріятную сердцу ослиному, рѣчь Медвѣдя, выскочилъ, нежданно-негаданно, сбѣжавшій съ какого-то барскаго двора, Осель, кувыркнулся передъ Лѣшимъ и Лѣшачихами, лизнулъ хвостъ бурой съ просѣдою Лисицы

Х А - Х А!

Смѣется солнце золотое,
Смѣется небо голубое,
Смѣются люди, звѣри, птицы
И даже скромныя дѣвицы.
Смѣется китъ, земли фундаментъ,
Смѣются всѣ: въ Руси парламентъ!
Смѣются Персія и Хива:
Въ Руси парламентъ! Диво, Диво!
Смѣются Гурко и Стишинскій,
Хохочетъ Витте исполинскій,
Смѣется Павловъ, мужъ замѣтный
И Горемыкинъ безотвѣтный.
Смѣется Шауфусъ чиновный,
Смѣется весь синклитъ сановный:
Въ Руси парламентъ! Это рано,
Когда онъ созданъ безъ обмана!
Смѣются эсты и евреи,
Нагайку чувствуя на шеѣ,
Смѣется Ревель, Дерптъ и Рига:
Въ Руси парламентъ! — вотъ такъ фи́га!
Смѣются свѣше всякой мѣры
Въ тюремныхъ камерахъ эсъ-эры,
Эсъ-деки давятся отъ смѣха:
Въ Руси парламентъ! — ай, потѣха!
А литераторы смѣются,
Когда въ цензуру попадутся.
У насъ редакція журнала
Такъ до упаду хохотала:
Въ Руси парламентъ! Это — штука!
Впередъ молчи, на то наука!
Какъ всѣ, и я смѣюсь тоже.
Смѣюсь... Прости меня о, Боже!
Вѣдь не смѣются лишь поэты
Наукъ общественныхъ — кадеты!
Съ тоской въ груди, съ кинжаломъ въ мысли
Они въ трудахъ своихъ прокисли.
Въ Руси парламентъ! — чтожъ такого?
Читаемъ въ „Рѣчи“ Милюкова...

Сирь.

и, вставъ, по ея указанію, рядомъ съ нею, слѣзаво зашепелявилъ:

— Лисичка-сестричка! ты будешь говорить, а я буду молчать. Лисичка-сестричка! ты будешь передъ всѣми хвостомъ вилять, а я буду брыкаться-лягаться.

— Оставайся со мною и помогай мнѣ хотя и поослиному. Умные-то звѣри повывелись, радъ-радешенекъ теперь и ослабъ: лишь-бы усердствовали по моей лисей тактикѣ...

— Да будетъ онъ твоимъ помощникомъ, подобно его предшественнику, любившему кидать въ козловъ овечьими орѣшками! — важно произнесъ Лѣшій и, не обращая ни къ кому, какъ-бы, всѣхъ и каждого спросилъ: однако, что-же надлежитъ предпринять намъ для усмиренія жестоковаго и возстающаго на насъ козлища?

— То, что покажетъ или не покажетъ время! — посоветовала, вильнувъ хвостомъ, Лисица.

— Надо козловъ затравить волками! — предложилъ Осель, и Лѣшій утвердительно мотнулъ головою.

— Затравите сперва волшебницу-дѣву, являющуюся къ нашему лѣсу со своими сообщниками чуть не каждый день изъ своихъ владѣній; ее затравите! — настаивалъ, трясаясь отъ злобы, старый волкъ съ отвисшей широко губою.

— Да будетъ она затравлена! — рѣшилъ, махнувъ дубиною, Лѣшій.

— Затравить! затравить! стонало все лѣшачье отродье.

Сотни за сотнями повыскакали изъ лѣсныхъ чащъ волки невиданной величины, съ глазами, подобными горящимъ углямъ, не сѣрые, а черные волки, завывая такъ дико и такъ злобно, что Лѣшій съ обѣими Лѣшачихами уши зажалъ, но, видя волчью преданность, спустился внизъ и сталъ перенюхиваться съ волками переднихъ рядовъ, а потомъ, взобравшись на прежнее мѣсто, не то благосклон-

Восхождение на Ай-Петри.

Дорогой трудной, все каменистой,
Скользя по щебню, стремлюся въ высь...
Таковъ и въ жизни мой путь тернистый!
Искатель правды нетлѣнной, чистой,
Иду и слышу: „стремись! стремись!“
Дорогой трудной, все каменистой,
Скользя по щебню, стремлюся въ высь...

* * *

Устало тѣло, слабѣютъ ноги,
А сердце бьется, стучить въ груди.
Стою въ раздумьѣ на голдорогѣ
И вопрошаю себя въ тревогѣ:
То-ль будетъ дальше, чтѣ позади?
Устало тѣло, слабѣютъ ноги,
А сердце бьется, стучить въ груди.

* * *

На этомъ камнѣ, у перевала,
Подъ сѣнью буковъ, я отдохну.
Какъ-будто птичка прощепетала,
Ручей лепечетъ и опахала
Листвы, колеблясь, влекутъ ко сну.
На этомъ камнѣ, у перевала,
Подъ сѣнью буковъ, я отдохну.

* * *

Витала греза надъ головою;
Она исчезла. Пора вставать
И освѣжиться въ ручьѣ водою.
Чтѣ было грезой, какъ жизнь, живую, —
Войдетъ стихами въ мою тетрадь.

Витала греза надъ головою,
Она исчезла. Пора вставать!

* * *

Еще немного, и я—у цѣли;
Да, скоро буду на высотѣ,
Но оглянулся... О, неужели
Прошелъ я это? Не вѣрю: тѣ ли
Подъемы, спуски, дороги? Тѣ!
Еще немного, и я—у цѣли;
Да, скоро буду на высотѣ.

Николай Пановъ.

Афоризмы.

Если вѣчно держать языкъ за зубами, то во рту высохнутъ.

Жанъ Поль Рихтеръ.

Навознаго жука не затащишь на розу.

А. Чеховъ.

Если женщина достойна взойти на эшафотъ, она достойна войти и въ парламентъ.

Роза Лекомбъ.

Тѣхъ немногихъ, которые познали хотя отчасти истину, которые были настолько безразсудные, что не держали замкнутымъ своего сердца, открывали народу свои чувства, свои мысли, тѣхъ распинали на крестѣ и сжигали.

Гете.

* * *

Въ ближайшихъ номерахъ „Огней Жизни“ будутъ даны сатирическіе очерки изъ прошлой и современной интендантской жизни. Пляска, открыто и безнаказанно цѣлые десятки лѣтъ длящаяся у солдатскаго пайка, нашла яркое освѣщеніе въ этихъ очеркахъ.

но, не то заискивающе улыбался имъ, причеъ обѣ Лѣшачихи посылали волчьимъ сотнямъ воздушные поцѣлуи. Вслѣдъ за волками явился горбатый, старый-престарый упырь, обросшій весь волосами пепельнаго цвѣта, и нѣсколько разъ надъ волчьими сотнями повелъ длинной камышевой тростью; волки пали на колѣни, пригнули морды къ землѣ, что-то провыли, поднялись на ноги, оскалили зубы и бросились въ разныя стороны. Черезъ нѣсколько мгновений неслись уже съ разныхъ сторонъ человѣческіе крики, стоны, проклятiя. Долго слышались они вездѣ и всюду, наконецъ замерли въ чарующихъ звукахъ новой, неслыханной пѣсни, огласившей весь дремучій лѣсъ, который, восторженно, заплѣлъ ее мощно и побѣдно.

Дрогнувъ Лѣшій съ лѣшачьимъ отродьемъ, страшно испугался и въ испугѣ не только прикусилъ, даже откусилъ себѣ языкъ, а потому не могъ уже говорить почеловѣчески; впрочемъ, даръ слова онъ утратилъ раньше, когда замѣтилъ непонятное перемигиванье между собою зайцевъ. По его знаку взлѣзъ къ нему старый Волкъ, вспрыгнула бурая съ сильной просѣдою Лисица. Ухватившись одной рукою за волчій хребетъ, а другой за лисій хвостъ, онъ киваніемъ головы приказалъ стережъ вислоухому ослу старшему и вислоухимъ осламъ изъ младшихъ подходы къ его обиталищу, затѣмъ погрозилъ дубиною стаду, и оно, упавъ, приникло молча лбами къ землѣ, приникло и замерло.

Но вотъ, на бѣломъ конѣ, красиво выгибающемъ шею, бьющемъ сердито копытами о-земь, мечущемъ искры изъ глазъ, а изъ ноздрей пламя, одѣтая въ бѣлую полупрозрачную мантию, защищенная стальнымъ щитомъ, является, съ мечомъ въ десницѣ величественно-прекрасная волшебница-дѣва. Напоминая собою фантастическій образъ бури,

окруженной призраками, она трубитъ въ мѣдный призывный рогъ. У нея тоже имѣются спутники, составляющіе силу неотразимую, одной только ей послушную, и сила ея—легіоны юныхъ, пожилыхъ и старыхъ рыцарей-братьевъ, вооруженныхъ мечами и копьями, тысячи дѣвъ-сестеръ, одѣтыхъ въ бѣлое, съ красными знаменами въ рукахъ.

Оглушенный гласомъ трубнымъ и побѣдной пѣсней, испуганный цвѣтомъ знаменъ, ослѣпленный сверканіемъ мечей, Лѣшій рухнулъ, вмѣстѣ съ двумя подгнившими дубами, на которыхъ держался, рухнулъ, со всѣмъ лѣшачьимъ отродьемъ, съ высоты, взвизгнувъ, застоналъ и въ мучительныхъ судорогахъ издохъ, никѣмъ неоплаканный, ибо одновременно съ нимъ издохло и все лѣшачье отродье.

Звѣри и скоты, въ ужасѣ, ринулись изъ лѣса по направлению къ пропасти, пуще прежняго воя:

— Гой-гой-у-у! Аюу-у-у-гой-го-а-а-а!

Н. Пановъ.

Г о р е м ы к и н ъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

„Огни Жизни“ выходятъ отъ одного до двухъ разъ въ недѣлю, въ размѣрѣ 8—16 страницъ, съ рисунками черными и въ краскахъ, портретами, шаржами и карикатурами на общественныя и политическія темы.

Журналу обѣщали свое сотрудничество лучшія литературныя силы изъ прогрессивныхъ изданій.

Отдѣльные номера журнала „Огни Жизни“ продаются по 10 коп. у всѣхъ газетчиковъ, въ кіоскахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ провинціи по 12 коп. въ книжныхъ магазинахъ. Изъ конторы отдѣльные номера высылаются за 12 коп. почтовыми марками.

Иногороднымъ контрагентамъ, принимающимъ на себя розничную продажу журнала номера отпускаются съ уступкою 40% за наличный расчетъ. Наложнымъ платежамъ журналъ не высылается.

Объявленія принимаются по 50 коп. за строку петита; въ страницѣ 4 столбца.

Редакція и контора помѣщаются: С.-Петербургъ Николаевская ул., д. 7, кв. 8.

Личныя объясненія по дѣламъ журнала съ однимъ изъ членовъ редакціи или завѣдующимъ конторою ежедневно отъ 10 до 12 ч. дня. Редакторъ принимаетъ по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 2 до 4 ч. дня.

Контора открыта ежедневно отъ 10 ч. у. до 5 ч. дня. Завѣдующій художественною частію, объявленіями и конторою П. И. Ассатуровъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкою на годъ 4 р., на полгода 2 р., на 3 мѣсяца 1 р.

Редакторъ Издатель *К. Н. Вакуловскій.*

Къ свѣдѣнію авторовъ и читателей.

Авторы направляютъ свои статьи и рисунки въ редакцію „Огней Жизни“, въ С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 7, кв. 8.

Для свѣдѣнія редакціи на рукописяхъ должны быть помѣщены, помимо псевдонима, адресъ и фамилія автора.

Условія должны быть обозначены на рукописяхъ.

Желающіе получить редакціонный отвѣтъ присылаютъ марки или бланкъ открытаго письма.

Редакція приглашаетъ читателей, особенно иногороднихъ, сообщать ей интересныя факты общественной жизни. Всякое сообщеніе содержащее общественный интерес будетъ принято съ признательностью. Къ сообщеніямъ могутъ быть прилагаемы фотографіи и рисунки, которые, по исползованіи, будутъ возвращаться доставившему.

Редакторъ принимаетъ для личныхъ переговоровъ и обсужденія темъ по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 2 ч. до 4. ч. дня.

Всѣ рисунки, помѣщаемые на страницахъ журнала „Огни Жизни“, составляютъ собственность журнала, почему всякое воспроизведеніе ихъ на открытыхъ письмахъ или другими способами редакціею будетъ преслѣдоваться.

* *

О всѣхъ книгахъ присылаемыхъ въ редакцію „Огней Жизни“ дается бесплатное объявленіе.

Въ слѣдующемъ № 2 „Огней Жизни“ въ фельетонѣ будетъ помѣщена „Сказка о двухъ блохахъ“ (или, — какъ иные господа дѣлали карьеру). Baron'a de Bouille-à-sel.